И. СРЕЗНЕВСКІЙ

Русь Угорская

1851

РУСЬ УГОРСКАЯ.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

ОПЫТА ГЕОГРАФІИ РУССКАГО ЯЗЫКА (*).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ одномъ изъ прежнихъ засѣданій я имѣлъ честь представить вамъ, мм. гг., мнѣнія свои о географіи русскаго языка, о вопросахъ, входящихъ въ ея содержаніе, о возможности приступить къ систематической ихъ обработкѣ и о тѣхъ матеріялахъ, которые можно уже имѣть въ виду для этой работы. Продолжая разработку матеріяловъ, я успѣлъ сдѣлать нѣсколько начатковъ сведенія ихъ въ одно цѣлое, — и теперь позволяю себѣ передать на предварительный судъ вашъ отрывокъ изъ моего труда, въ надеждѣ, что буду почтенъ замѣчаніями отъ знатоковъ дѣла и найду возможность въ дальнѣйшемъ ходѣ работы избѣгать хоть нѣкоторыхъ изъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя не могу не впадать въ дѣлѣ, до нѣкоторой степени новомъ и малоизвѣстномъ.

Не повторяя того, что̀ высказано было мною въ прежней запискѣ (**), я замѣчу, что всѣ вопросы, входящіе въ географію языка, удобно подходятъ подъ четыре разряда:

(*) Читанъ въ общемъ собраніи Общества 29 сентября 1851 года.

(**) Эта записка была помѣщена въ первой книжкѣ Вѣстника за 1851 годъ.

I. Объ области, занимаемой языкомъ: о землѣ и народѣ въ историко-географическомъ отношеніи, о разселеніи народа и вселеніи въ его землѣ иноземцевъ.

II. О языкѣ, въ отношеніи къ его характеристическимъ признакамъ, къ вліянію, которое на него производили мѣстность природы и языки сосѣдей.

III. О народной словесности, какъ произведеніи мѣстности на языкѣ этой мѣстности.

IV. О письменной обработкѣ языка, также, какъ произведеніи мѣстномъ.

Само собою разумѣется, что всѣ эти вопросы, будучи примѣнены къ географіи того или другаго языка отдѣльно, превращаются въ вопросы о нарѣчіяхъ, на которыя онъ раздѣлился; что о языкѣ вообще въ его географіи можно говорить, или предварительно представляя доказательства, почему то или другое дѣленіе на нарѣчія можетъ быть признано справедливымъ, или въ концѣ труда, какъ сводъ выводовъ, добытыхъ изъ географическаго разбора нарѣчій.

Считаю необходимымъ изложить здѣсь въ краткомъ очеркѣ свои понятія о языкѣ русскомъ вообще, относительно его дѣленія на нарѣчія.

Состояніе раздробленія на многообразныя мѣстныя нарѣчія и говоры, въ которомъ представляется наблюдателю русскій языкъ въ наше время, есть явленіе болѣе или менѣе новое. Какъ слѣдствіе отчасти естественной измѣняемости, которой подчиненъ каждый языкъ, отчасти хода судебъ русскаго народа, оно выражалось постепенно все болѣе. Въ эпоху его отдѣленія отъ другихъ славянскихъ нарѣчій, въ эпоху первоначальнаго образованія русскаго народа, какъ народа отдѣльнаго, этого разнообразія мѣстныхъ нарѣчій въ немъ не было. Не было по крайней мѣрѣ на столько, на сколько оно зависитъ отъ привитія къ языку новыхъ, прежде небывалыхъ особенностей строя и состава. Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ языкъ и отличался, то развѣ только тѣмъ, что или удерживалъ кое-что изъ древнихъ свойствъ своихъ въ то время, какъ этого уже не было въ другихъ мѣстахъ, или, напротивъ того, ранѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, утратилъ то,

что́ нѣсколько позже должно было утратиться и всюду. Было еще, можетъ быть, нѣкоторое разнообразіе въ составѣ языка — въ массѣ и употребленіи словъ, въ нѣкоторыхъ привычныхъ выраженіяхъ. Кажется, не болѣе. Были, можетъ быть, нѣсколько отличные другъ отъ друга говоры, но не было различныхъ мѣстныхъ нарѣчій.

Такое состояніе нераздѣльности русскаго языка, какъ одного нарѣчія, немногими чертами отдѣлившагося отъ другихъ славянскихъ нарѣчій, продолжалось почти до исхода XIII вѣка: памятники русской письменности, оставшіеся отъ этого времени, гдѣ бы ни были писаны, не отличаются одни отъ другихъ такими особенностями языка, которыя можно назвать русскими, — особенности, замѣчаемыя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, являются или какъ слѣдствія вліянія элемента старо-славянскаго церковнаго, или въ переводахъ съ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго,—какъ слѣдствіе неумѣнья пользоваться русскимъ языкомъ, несвободы или неправильности выраженія.

Въ XIII — XIV вѣкѣ совершился для русскаго языка тотъ кризисъ, въ силу котораго древнія формы должны были пасть, а новыя—получить силу исключительной законности. Останавливаясь на этомъ разграниченіи, для ближайшаго обозначенія котораго можно указать на двадцатые годы XIV вѣка, какъ на время образованія княжествъ Московскаго и Литовскаго и паденія княжества Галицкаго, и припоминая прошедшія передъ тѣмъ судьбы народа русскаго, можно вспомнить, какъ болѣе важное въ отношеніи къ языку:

Во первыхъ, сближеніе русскихъ Славянъ съ Греками и Норманнами и кромѣ того съ народами финскими—на сѣверѣ и востокѣ, и съ народами татарскими—на югѣ и востокѣ, а съ Нѣмцами и Литовцами и съ соплеменными Болгарами, Словаками, Поляками — на западѣ: это сближеніе не могло остаться безъ вліянія на языкъ русскій.

Во вторыхъ, связи между разными частями русскаго народа скрѣплялись единствомъ верховной власти, которая хотя и раздробилась потомъ на удѣлы, между членами княжескаго рода, но долгое время сдерживала свое значеніе вмѣстѣ со значеніемъ единства всей земли русской. Съ этимъ вмѣстѣ шло въ уровень передвиженіе Русскихъ съ юга на сѣ-

веръ и съ сѣвера на югъ: движеніе отъ Новгорода и Волги къ Кіеву и Дону, довольно частое, дружинъ военныхъ и промышленныхъ (въ родѣ тѣхъ плотниковъ Ярослава, надъ которыми насмѣхались воины Святополка), уравновѣшивалось съ движеніемъ подобныхъ дружинъ отъ Кіева и Дона къ Новгороду и Волгѣ; и то и другое вмѣстѣ сопровождалось построеніемъ городовъ жителями юга на сѣверѣ и жителями сѣвера на югѣ. Все это препятствовало раздробленію русскаго языка на мѣстныя различія, до тѣхъ поръ, пока раздробленіе на удѣлы не повело за собою временнаго расторженія частей княжескаго рода на нѣсколько какъ будто независимыхъ родовъ.

Въ XIII — XIV вѣкѣ отживала древняя Русь свою послѣднюю годину. Внутреннія смуты и внѣшніе враги потрясли ее во всемъ ея составѣ и возбудили въ ней искры той новой жизни, которая должна была развиться послѣ. Языкъ русскій былъ также потрясенъ въ это время и сбросилъ съ себя древнюю одежду. Образовавшійся къ этому времени языкъ учено-литературный силился сдерживать стремленіе языка народнаго къ направленію противоположному съ тѣмъ, къ которому самъ былъ пріученъ характеромъ древняго языка народа и церкви; но сдерживалъ гораздо менѣе, чѣмъ самъ подчинялся стремленію общенародному. — Внутреннія смуты и внѣшніе враги раздробили Русь на нѣсколько частей, почти независимыхъ; княжества южныя отдѣлились отъ сѣверныхъ; на сѣверѣ княжества западныя отдѣлились отъ восточныхъ; на югѣ хотя власть и сосредоточилась въ родѣ князей галицкихъ, но не на-долго, и то даже не по всему пространству одинаково, такъ, что и тутъ западъ легко могъ отдѣлиться отъ востока, какъ случилось при возвышеніи княжества Литовскаго. Это временное распаденіе Руси, повлекшее за собою разъединеніе интересовъ и взглядовъ, разрозненіе условій быта общественнаго и частнаго, не могло не подѣйствовать на языкъ. Общее сотрясеніе языка отозвалось на частяхъ русскаго народа развитіемъ мѣстныхъ нарѣчій. Южныя части русскаго народа — народонаселенія княжествъ Кіевскаго, Сѣверскаго, Черниговскаго, Волынскаго, Подольскаго, Галицкаго — отдѣлились языкомъ отъ частей сѣверныхъ, въ которыхъ также показались особенности языка не

только между Новгородцами и Рязанцами, но и между Рязанцами и Смольнянами. Каждая изъ частей Руси подчинилась особенному вліянію иноземцевъ, которое еще болѣе содѣйствовало разъединенію мѣстныхъ нарѣчій.

Современно съ распаденіемъ Руси особеннымъ путемъ пошло и разселеніе народа. Сѣверо-восточное народонаселеніе потянулось почти исключительно на сѣверо-востокъ — къ Бѣлому морю, къ Уралу и за Уралъ; юго-западные Русскіе — на югъ и частію даже на западъ. Правда, что сѣверяне Русскіе успѣли окрѣпить свою казацкую дружину на югѣ — на низовьѣ Дона въ сосѣдствѣ съ подобной казацкой дружиной Русскихъ южанъ, на понизовьѣ Днѣпра; но кочевья Татаръ отдѣлили и этихъ сосѣдей.

Возсоединеніе Руси, которому положены были начала въ XV — XVI вѣкѣ, началось уже тогда, когда нарѣчія русскія опредѣлились въ своихъ особенностяхъ, каждое съ своимъ независимымъ характеромъ, когда нѣсколько различныхъ оттѣнковъ языка въ разныхъ краяхъ получили не только значеніе литературное, но и политическое и даже отчасти религіозное. Разрозненіе мѣстныхъ партій не помѣшало возсоединенію частей русскаго народа, какъ не мѣшало и нигдѣ, если возсоединеніе происходило еще во-время и утверждалось на единствѣ воспоминаній и вѣрованій; напротивъ, оно дало болѣе простора развитію народнаго духа и обѣщаетъ еще многое для нашей народной образованности и умственной, и общественной.

Основываясь на такомъ взглядѣ на наше прошедшее и на качествахъ мѣстныхъ нарѣчій нашихъ, я раздѣляю народный русскій языкъ географически, въ его древней области, на два главные отдѣла: сѣверно-русскій и южно-русскій, и считаю необходимымъ прослѣдить въ географіи русскаго языка судьбы того и другаго отдѣла со второй половины XIII вѣка. Каждый изъ этихъ отдѣловъ я дѣлю на два подраздѣленія: первый — на велико-русское (сѣверное съ сибирскимъ и южное съ донскимъ) и бѣлорусское (полоцкое и псковское); второй — на восточное (т. е. малорусское и волынское) и западное (т. е. галицкое и угорское за-карпатское). Края, куда выселился русскій народъ изъ своей древней области, не могутъ, кажется,

быть разсматриваемы отдѣльно, но какъ части тѣхъ краевъ, откуда произошли ихъ поселенцы.

Приготовивъ матеріялы для географіи нарѣчій южно-русскихъ, я занялся ихъ посильной обработкой, и теперь представляю одну главу изъ этого труда — о Руси за-карпатской, угорской.

РУСЬ УГОРСКАЯ.

§ I.

ЗЕМЛЯ И НАРОДЪ.

Ѣдучи по южнымъ отлогостямъ Карпатскаго хребта съ запада на востокъ, путешественникъ встрѣчается съ людьми русскими въ окрестностяхъ Бардѣёва и Ужьгорода или, какъ мы привыкли называть, Бартфельда и Унгвара. Русины по вѣрѣ живутъ и западнѣе, въ столицахъ (комитатахъ) Гöмöрской, Спишской, Шаришской, Земненской; но это — Русины по вѣрѣ, люди русской вѣры, по языку и народности они — Словаки и Мадьяры: всѣ уніяты и православные называются въ Венгріи Русинами, если только они не Волохи и не Сербы. На востокъ же отъ окрестностей Бардѣёва и Ужьгорода живутъ люди русскіе въ полномъ смыслѣ этого слова, родные братья наши, однокровные съ нами потомки древней Руси, и по народности и по своимъ древнимъ воспоминаніямъ. Въ эпархіи Мукачевской, идущей по столицамъ Земненской, Унгварской, Сабольской, Угочьской, Сатмарской, Бережской и Мармарошской, живутъ они въ числѣ 470,000, или около того; въ эпархіи Пряшовской, простирающейся по столицамъ Шаришской, Спишской, Гöмöрской, Торнянской, Абаюварской, Боршодской и Земненской, ихъ можно считать до 50,000: всего слишкомъ 500,000 (*). Преимущественно русскими на-

---

(*) *Г. Головацкій* по расчету за 1840 годъ насчиталъ ихъ въ шести

звать можно столицы Мармарошскую, Бережскую, Угочьскую, Унгварскую, Шаришскую и половину Земненской.

Примыкая на западѣ къ Словакамъ, на югѣ къ Мадьярамъ и Волохамъ, а на сѣверѣ къ Русинамъ галицкимъ, они отдѣляются отъ послѣднихъ хребтомъ горъ Карпатскихъ, называемыхъ тамъ Бескидами или Бесчадью, и занимаютъ южные и западные склоны этихъ горъ, по бассейну верхней Тиссы на югъ до Вуйлака (Tissa Ujlak), по бассейну Латорицы и Уга до ихъ соединенія, по бассейну Люборцы, Ондавы и Топлы и по верховьямъ бассейна Торисы (*).

Правда, что и внѣ этого пространства можно встрѣтить въ Венгріи селенія русскія; но они образовались изъ переселенцевъ позднѣйшаго времени и лежатъ разбросанно въ разныхъ краяхъ. Правда и то, что внутри пространства, нами обозначеннаго, есть селенія не-русскія, и кое-гдѣ довольно важныя по количеству народа; но и они суть поселенія новыя, а не остатки древняго народонаселенія, которымъ считать можно однихъ Русиновъ (**).

Всѣ Русскіе въ этомъ краю не иначе называютъ себя, какъ именемъ *Русиновъ* или, собирательно, *Русью*. Есть и мѣстныя названія: такъ, восточная часть Мармарошской столицы называется у нихъ *Мармаріей*, *Мармарщиной*, а жители носятъ имя *Гуцуловъ;* погорья западной части столицы Мармарошской

столицахъ 411,500, изъ 1,031,271 общаго числа жителей, изъ которыхъ 208,800 принадлежатъ къ церкви римско-католической, а 374,631 къ числу уніятовъ. Čas. Čes. Mus. 1843. стр. 49.

(*) Черта, по которой они сосѣдятъ съ Словаками, Мадьярами и Волохами, идетъ отъ вершины Чевчина и Кукольника по Тисѣ, гдѣ находятся послѣднія русскія селенія, Поляна, Русскова, Костелъ (Rhónaszek), отъ Вишовы лѣвымъ берегомъ Тисы до Вишкова (Visk) къ востоку, черезъ южную часть Угочьской столицы до Вőйлока (Ujlak) и Варёва (Vari), оттуда черезъ Латорицу къ Капошанамъ (Kapos) и на сѣверъ около Михайловцевъ (Nagy Mihaly) вверхъ, южнѣе Пряшова (Eperies) по Торицѣ къ долинѣ Попрадской.

(**) Кромѣ Русиновъ жили еще въ этомъ краѣ Волохи, какъ свидѣтельствуютъ уцѣлѣвшія до сихъ поръ названія селеній и вообще мѣстностей, на-пр. Брустура, Талаборъ и т. п.; но едва ли можно доказать, что эти Волохи сюда явились не въ позднее время. Можетъ быть, конечно, другое чуждое славянскому народонаселеніе и жило здѣсь въ вѣка древности; но это остается пока тайной.

и сѣверъ столицы Бережской называются *Верховиной*, а жители — *Верховинцами.* Далѣе на западъ, въ столицахъ Унгварской и Земненской, простирается *Краина*, по имени которой и жители слывутъ *Крайнянами.* Въ сосѣдствѣ съ ними живутъ *Сотаки* — смѣсь Русиновъ и Словаковъ (*). Наконецъ жители горной части столицы Шаришской, которую называютъ *Макова*, извѣстны подъ именемъ *Маковцевъ* или *Маковлянъ.* Есть еще *Бойки:* такъ называютъ всѣхъ горянъ сѣверныхъ отъ верховій Латорицы къ Попради; но сами горяне этого названія стыдятся, считая его за бранное прозвище. Всѣ эти мѣстныя названія нисколько, впрочемъ, не заглушаютъ общаго имени — *Руси.*

Утесы горъ и чащи лѣсовъ, ихъ окружающія, искони затрудняли связи этого отдѣла русскаго народа съ остальными

(*) *Сотаки* или *Шотаки* живутъ въ Земненской столицѣ (Zempliner comitat), особенно въ Краинскомъ округѣ, съ вершинъ Карпатскихъ горъ за Гуменное (Homona). Нѣкоторые полагали, въ томъ числѣ и г. Кухарскій, что названіе Сотаковъ произошло будто бы отъ ихъ привычки говорить *со* вмѣсто *цо* (что), и что это названіе дано было имъ горожанами; но это едва ли справедливо. Шафарикъ, напротивъ, въ этомъ имени видѣлъ слѣдъ народа Сатаговъ, которые, впрочемъ — по сказанію Іорнанда (гл. 53) — inferiorem Pannoniam possidebant. (Čaz. Čes. Museum. 1834. стр. 42. Slow. Staroż. I. §. 6: 10 и § 11: 10. Срав. K. Zeuss. Die Deutschen. 703, 704, 709). Съ мнѣніемъ Шафарика сходно мнѣніе г. Потемкина, считающаго ихъ за ославянившихся Мадьяровъ (I. Kollara, Národnié Spiewanky II. стр. 476), хотя говоръ ихъ, сколько ни отличенъ отъ другихъ словацкихъ говоровъ, не носитъ на себѣ вліянія мадьярскаго — ни въ строѣ грамматическомъ, ни въ словахъ. Вотъ отрывокъ, для образца чистаго сотацкаго нарѣчія:

Ти с мору медзу свою указал,
А ту си му преступиць заказал,
А бы уж вецей ту земь не залјало
Лјем медзи свима брегами се грало.
Ти си змедзи гор жредла отворел,
З них водне потоки випровадзел,
Ктери з росказу твојого се точа,
А черствим бегом удоли омоча.

Нѣсколько книгъ на такомъ сотацкомъ нарѣчіи издано было въ Дебрецинѣ, Шарошъ-Патакѣ и пр. Нарѣчіе это принадлежитъ преимущественно Сотакамъ кальвинскаго исповѣданія. Другіе, исповѣдуя православіе, говорятъ нарѣчіемъ болѣе смѣшаннымъ съ русскимъ. Смотри ниже.

частями; тѣмъ не менѣе самое названіе *Русинъ*, равносильное мадьярскому orosz-ember — русскій человѣкъ, одинаково народное и въ венгерской Руси и въ Руси галицкой, свидѣтельствуетъ, что эти связи были: только въ-слѣдствіе ихъ народъ могъ усвоить себѣ имя, принадлежащее его соотчичам въ другихъ земляхъ.

О древнихъ судьбахъ Русиновъ за-карпатскихъ ни лѣтописи, ни преданія не сохранили никакихъ вѣрныхъ показаній. Нельзя сказать съ достовѣрностью, были ли они, всѣ ли вообще или частями, въ концѣ IX вѣка подданными князя кіевскаго Олега и его современника князя моравскаго Святополка; нельзя опредѣлить, когда именно они принуждены были подчиниться власти Мадьяровъ, до паденія ли княжества Моравскаго въ 907 году или позже. Только русская вѣра ихъ свидѣтельствуетъ, что они приняли христіанство не послѣ Мадьяровъ, не черезъ нихъ; а свидѣтельства объ учрежденіи эпархій въ венгріи королемъ Стефаномъ даютъ знать, что Русины не были причислены ни къ одной изъ нихъ и слѣдовательно подчинены были особенной... Въ туманѣ остаются судьбы за-карпатскихъ Русиновъ не только до XIII вѣка, но и позже. Въ лѣтописяхъ и грамотахъ ихъ сосѣдей отъискиваются только отрывочныя напоминанія объ ихъ краѣ и ничего о народѣ. Такъ есть свидѣтельство, что король венгерскій Андрей II въ 1213 году подарилъ рыцарямъ Тевтонскаго ордена землю Боржовскую (Borzsa) въ столицѣ Мармарошской; что въ XIII вѣкѣ на большой дорогѣ, извѣстной въ древности подъ названіемъ Угорскихъ воротъ, стояли уже города *Бардѣевъ* и *Пряшовъ* (Эперіесъ): о первомъ изъ нихъ упоминаютъ и наши лѣтописи (Даніилъ иде изъ Угоръ въ Ляхи на Бардуевъ и приде въ Судомиръ, Ипат. Л. 178); что соль въ Мармароши добывалась во время короля Белы IV (ум. 1275), и т. п. Въ 1329 году король Карлъ I далъ привилегіи городамъ мармарошскимъ: Вишкову, Хусту, Тячеву и Долгополю (Villae Marmatiae: Visk. Huszth, Teczö, Hoszszumezö), а король Людовикъ I, подтверждая грамоту Карла I въ 1352 году, причислилъ къ четыремъ городамъ и пятый—Сиготъ (Sziget). Въ это время многолюдны были селенія: Тройчаны (Trojcsan), Ружинъ (O-Ruzsin), Байровцы (Bajorvagas) и нѣкоторыя другія. Напоминанія нашихъ лѣтописцевъ XIII и XIV вѣковъ объ уходахъ

князей и дружинъ за горы въ Угры не позволяютъ сомнѣваться, что въ эту смутную годину напора на Русь и Татаръ и Литвы Русины галицкіе, а можетъ быть и Волыняне, уходили за горы и тамъ селились между своими соотчичами. Объ этомъ переселеніи Русиновъ галицкихъ за Бескиды сохранились преданія въ народѣ, связанныя съ нѣкоторыми воспоминаніями и о самихъ Татарахъ. Съ народомъ переселялись и члены высшаго сословія, родовъ боярскихъ и княжескихъ. О томъ и другомъ намекаетъ преданіе, записанное Катоною (Hist. Crel. IX. 431), будто какой-то вельможа (графъ) Петръ Петровичь, владѣтель берестянскій (Borostyan, въ Земненской столицѣ), предполагалъ овладѣть престоломъ венгерскимъ для какого-то русскаго князя,—но побѣжденъ былъ воеводою Давшомъ и утратилъ права на Берестяны и на всѣ свои владѣнія (1310). Около половины XIV вѣка являются въ Руси за-карпатской удѣльные князья рода русско-литовскаго. Одинъ изъ младшихъ сыновей Коріата-Михаила, князя новогродскаго и волковпскаго, Өеодоръ, прогнанъ былъ своимъ дядею Ольгердомъ изъ Подолья, ушелъ въ Венгрію и, какъ подданный короля венгерскаго, сталъ владѣть Мукачевымъ (Munkacz) и Унгваромъ съ ихъ округами (1359). На память отъ него остался между прочимъ монастырь на холмѣ Чешнекѣ у Мукачева и крѣпость на горѣ въ полу-часѣ пути отъ города. Помнятъ также, что и супруга Өеодора основала женскій монастырь близъ Мукачева, на противоположномъ берегу Латорицы (*). Какъ долго владѣлъ родъ Өеодора этимъ удѣломъ и были ли другіе удѣльные князья русскіе за Карпатами—неизвѣстно; но нѣкоторые дворянскіе роды, владѣющіе въ за-карпатской Руси, хотя уже и переродившіеся въ Мадьяровъ, хвалятся еще происхожденіемъ отъ русскихъ князей, между прочимъ и отъ князя Өеодора, храня у себя книгу Базилевича: Notitiae fundationis Theodori Koriatovitis pro religiosis Ruthenis in monte Csesnek ad Munkacz. Возстаніе Волоховъ подъ начальствомъ Дражка Богдана, въ концѣ XIV вѣка, и въ-слѣдъ за тѣмъ ихъ выселеніе къ берегамъ Молдавы и Берета, не могло остаться безъ послѣдствій для Русиновъ за-карпатскихъ; но каково было оно, объ этомъ лѣтописи молчатъ. Вѣроятно, въ-слѣдъ

(*) Narbuth. V. 62—63. Thille, das K. Ungarn. III. 99.

за выселеніемъ Волоховъ Русины стали занимать ихъ мѣста, гдѣ слѣды Волоховъ остались только въ названіяхъ мѣстностей: двѣ Брустуры, Барлабать, Мармарошь, Талаборъ, Тишора, Трибушены, Ледеспулъ, Чевчинъ и т. п. Въ 1433 году владѣтелемъ значительной части въ за-карпатской Руси является Георгъ Бранковичъ, деспотъ сербскій: за уступку венграмъ Бѣлграда онъ получилъ между прочимъ и Мукачевъ, Регецъ, Сатмаръ и др. (*). Въ XVI — XVII вѣкѣ замѣчательна въ судьбахъ Русиновъ борьба императоровъ австрійскихъ съ могучей партіей Запольскихъ, Веселинскихъ, Текелей. Соединившись съ Турками и подкрѣпляемые ихъ помощію, эти гордые магнаты думали овладѣть Венгріей и успѣли присоединить къ Седьмиградской области весь сѣверо-восточный край королевства, подчинивъ его вмѣстѣ съ южными областями Венгріи власти турецкихъ султановъ. Позорищемъ войны были между прочимъ и побережья Тисы, окрестности Мукачева, Хуста, Сатмара и пр. Дружины Турковъ, Мадьяровъ, Волоховъ, Нѣмцевъ сновали по селамъ русинскимъ и, безъ сомнѣнія, опустошали ихъ, до тѣхъ поръ, пока наконецъ не свержено было иго турецкое. Къ этому времени относится образованіе вольныхъ дружинъ Гуцульскихъ, потомство которыхъ и до сихъ поръ носитъ въ Мармароши названіе Гуцуловъ, не зная, что гуцулъ значитъ разбойникъ. Эти вольныя дружины, въ родѣ нашихъ казацкихъ дружинъ, только не такъ правильно образованныя, вызваны были изъ семей необходимостью защищать родной край отъ пришлыхъ враговъ, и въ свое время страшны были своими топориками, подъ начальствомъ своихъ батей-батюшекъ, какъ назывались ихъ старѣйшины. Позже онѣ ушли выше въ горы, промышляя разбоемъ, и наконецъ разсѣялись между народомъ, такъ что теперь имя гуцула, какъ въ нѣкоторыхъ краяхъ Малороссіи имя казака, носитъ всякій молодецъ, да и всѣ жители восточнаго погорья Бескидовъ не отказываются отъ имени гуцуловъ, даже гордятся имъ какъ почетнымъ титуломъ. — Въ концѣ XVII вѣка въ Угорскую Русь, вліяніемъ архимандрита трапезундскаго Исайи и епископа Іосифа Камильскаго, введена была унія: Іосифъ возведенъ былъ въ санъ епископа

(*) Энгель. Geschichte von Servien. 379.

мукачевскаго и всей Руси Угорской и утвердилъ союзъ съ Римомъ. Съ этого времени мадьярское дворянство сдѣлалось преобладающимъ въ краю Русиновъ и остается до сихъ поръ.

Русины составляютъ почти исключительно только массу простаго народа. Часть класса промышленнаго въ городахъ и духовенство остаются вѣрными языку и народности своихъ предковъ,—но не могутъ замѣнить погибшіе роды дворянства. Есть, правда, и между Русинами свои *нямеши*—шляхтичи; но это — тѣ же селяне по всему: и по правамъ, и по быту, и по образованности. Господствующее населеніе городовъ и городскихъ выселковъ на большой дорогѣ — не-русское, такъ что пожалуй и здѣсь, какъ въ нѣкоторыхъ краяхъ западно-славянскихъ, путешественникъ, ѣдущій скоро по большой дорогѣ и не присматривающійся къ селянамъ, можетъ не видѣть Русскихъ и счесть весь край русскимъ только по преданію.

Innumeros equidem, verum sub nocte jacentes
Atque sepultos tristi paupertate Ruthenos.

А между тѣмъ Русины остаются чѣмъ были въ своемъ мирномъ семейномъ быту, со своими земледѣльческими привычками, обработываютъ склоны горъ и долины подъ нивы, сѣнокосы, сады и огороды, пасутъ скотъ на вершинахъ горъ, выдѣлываютъ сыры, добываютъ соль, приготовляютъ лѣсные сплавы, тѣшатъ себя охотой за волками, лисицами, медвѣдями въ своихъ чащахъ, ведутъ всѣ свои промыслы безъ помощи фабрикъ и мануфактуръ и съ стариною быта и обычаевъ сохраняютъ и старину правовъ, понятій, повѣрій, преданій и воспоминаній.

§ II.

НАРѢЧІЕ.

Нарѣчіе угорское, хотя и остается почти совершенно понятнымъ для всякаго Южно-Русса, изъ какого бы отдаленнаго края ни зашелъ онъ сюда, не можетъ не поразить также каждаго изъ нихъ нѣкоторыми особенностями не только въ выговорѣ и въ употребленіи грамматическихъ формъ, но и

въ составѣ языка, словами неизвѣстными въ другихъ мѣстахъ Руси.

Обращая вниманіе на выговоръ, наблюдатель замѣчаетъ:

Употребленіе правильное глухихъ гласныхъ: *ъ* и *ь*, при ихъ соединеніи съ *р:* дръва, кртовина, кртица, кръвавый, търгъ, бръдавка, — врьхъ, трьвати, рьчю, рьчете, хрьстити, выхрьста, водохрьщи. Попадаются случаи употребленія глухихъ звуковъ и при ихъ сліяніи съ другими согласными: теп̆ъръ, дънь, пънь.

Иногда же мѣсто глухаго звука заступало *и*, не смягчающее согласной: *лижка*, бл*и*ха, г*и*ртанка, бр*и*ва, др*и*ва, хр*и*бетъ, к*и*рница, јабл*и*ко, кров*ь* — въ род.: к*и*рве, д*и*ждж*ь*. Вмѣсто *и* выговаривается и совершено широкое *ы*.

Звукъ *ы* встрѣчается и не въ однихъ этихъ случаяхъ, а во многихъ другихъ, тамъ, гдѣ его уже нѣтъ въ остальныхъ говорахъ южно-русскихъ. Такъ постоянно слышится этотъ звукъ послѣ гортанныхъ *г*, *к*, *х*, какъ это было въ языкѣ древнемъ: г*ы*ну, доуг*ы*й, благ*ы*й, к*ы*дати, усяк*ы*й, жидовьськ*ы*й, х*ы*жа, х*ы*жій, глух*ы*й, сох*ы*, сынъ, јаз*ы*къ, густ*ы*й, мал*ы*й, јострый и пр. Остается *ы* и въ вспомогательномъ глаголѣ б*ы*ти, б*ы*вати, если онъ не сложенъ съ предлогомъ, а тогда мѣсто *ы* заступаетъ *у*: заб*у*ти, заб*у*въ, доб*у*дь.

Употребленіе *и*, не смягчающаго предъидущей согласной, остается въ своей силѣ и распространяется на тѣ случаи, когда въ звукъ *и* переходитъ другая гласная: д*и*мъ, лій, с*и*ль, в*и*нъ,—такъ, впрочемъ, что послѣ гортанныхъ вмѣсто *и* выговаривается *ы:* гыркый, кырка (вмѣсто: горькій, корка).

То же *и* удерживается въ тѣхъ односложныхъ глаголахъ, гдѣ оно оканчиваетъ корень: б*и*ти — бию, біешь, біе; л*и*ти — лию, ліешь, ліе, и т. п., и между тѣмъ опускается въ окончаніяхъ повелительнаго наклоненія: берь, берьме, берьте; ходь, ходьме, ходьте; возь, возьме, возьте.

Вмѣстѣ съ этимъ сохраняется болѣе правильное употребленіе *ѣ*, выговариваемаго, впрочемъ, постоянно какъ *й*, предполагающее передъ собою смягченіе согласной: д*й*тина, с*й*д*й*ти, с*й*рота, (нарѣчія:) добр*й*, зл*й*, чорн*й*, — хотя, впрочемъ, и оно иногда опускается: засьјано вм. зас*й*јано.

Къ числу остатковъ древности можно отнести употребленіе *е* вмѣсто *о* въ началѣ словъ: јединъ, једна, једно; ря-

домъ съ этимъ, однако, употребляется *е* вмѣсто *о* и тамъ, гдѣ первоначально былъ глухой звукъ *ъ:* пидепва, викенце и т. п.

Число случаевъ употребленія *о* уменьшено и оттого, что въ нѣкоторыхъ *о* не выговаривается: *хчю*, *хчешь*, *хче* вмѣсто *хочю* и пр.

Остаткомъ старины надобно, безъ сомнѣнія, назвать удержаніе *ра*, *ла* вмѣсто *оро*, *оло* въ нѣкоторыхъ словахъ: *голова* и *глава*, *дорогый* и *драгый*, *золотый* и *златый*; а рядомъ съ этимъ одно *а* вмѣсто двухъ *о* слышно и въ словѣ *гварити*–*говорити*.

Сообразно тому, какъ *т* смягчается въ *тш*(*ч*), и *д* смягчается въ *дж:* меджє, чюджій, роджєнья, ходжу, раджу.

Смягченіе губныхъ буквъ не требуетъ вставки *л*ь и *н*ь, употребляя вмѣсто нихъ звукъ *j:* здоровьjа, любю, робю, сню, спіатъ, павjаный, памjать, веремjа.

Согласныя *ж*, *ч*, *ш*, *щ* выговариваются мягко, какъ было въ древности: жjаль, чjасъ, нашь, нашjе, нашjо, пjановати, щjастьjа, такъ же, какъ въ остальныхъ говорахъ и *з*, *ц*, *с*, тамъ, гдѣ это было въ языкѣ древнемъ: сю, пшеницjа, пйрницjа и пр.

Согласное мягкое *н*ь замѣняется посредствомъ *j:* *бйлеj*кый, чорнеjкый, дйвоjка, хатоjка, вечереjка.

То же пристрастіе къ нѣжному звуку *j* выражается и въ употребленіи его въ началѣ словъ, какъ придыханіе: jострый, jовесъ, jорати, jосика; но вмѣстѣ съ этимъ *j*, какъ придыханіе, общеупотребительное у всѣхъ славянъ при соединеніи двухъ гласныхъ, опускается: чуу, моа, моу.

Въ грамматическихъ формахъ замѣчательны слѣдующіе случаи:

Творительный падежъ един. женскаго рода на *овь-евь* или *овъ-евъ:* руковь, водовь, душёвь, моёвь.

Именительный падежъ множественнаго числа не предполагаетъ въ мужескомъ родѣ смягченія: волы, гуцулы, чорны, бйлы.

Дательный падежъ множественнаго муж. и сред. рода на *имъ* (*ымъ*, *йм*ъ) вмѣсто *омъ*, какъ было въ древности: волимъ, волоjкымъ, хлопцймъ.

Настоящее время изъявительнаго, гдѣ къ гласной дол-

жна бы прибавиться еще гласная, спрягается такъ: спиваў, спивашь, спиватъ, спиваме, спивате, спиваутъ. Въ другихъ случаяхъ: несу, несешь, несетъ, несеме, несете, несутъ; ходжу, ходишь, ходитъ, ходиме, ходите, ходютъ.

Прошедше: бывъ јемъ, бывъ јесъ, бывъ, была јемъ, была јесъ, была; были сме, были сте, были; спи̑вавъ јемъ, спивала јемъ и пр.

Повелительное: будь, будьме, будьте; спи̑вай, спи̑вајме, спи̑вајте.

Обозначивъ главныя особенности нарѣчія, мною лично замѣченныя у угорскихъ Русиновъ, я позволяю себѣ не входить теперь, въ этомъ пробномъ очеркѣ, въ подробности отличій мѣстныхъ, которыя, впрочемъ, выкажутся сами собою въ отрывкахъ изъ пѣсенъ и въ пословицахъ, приводимыхъ мною ниже. Я замѣчу здѣсь только то, что нарѣчіе угорскихъ Русиновъ не вездѣ сохранило свой чисто-русскій характеръ, что на юго-востокѣ оно смѣшалось съ волошскимъ, на югѣ съ мадьярскимъ, на западѣ — что̀ для насъ всего любопытнѣе — съ словацкимъ и съ польскимъ. Сліяніе русскаго нарѣчія съ словацкимъ и польскимъ не ограничилось заимствованіемъ словъ, какъ это случилось съ волошскимъ и мадьярскимъ, а обозначилось на всемъ его строѣ, особенно въ отношеніи къ выговору и употребленію звуковъ. Образцы этого вліянія представляются также въ числѣ памятниковъ народной словесности.

§ III.

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Со своеобразнымъ развитіемъ нарѣчія у Русиновъ угорскихъ соединилось, какъ и вездѣ, своеобразное развитіе народной словесности. Эта связь внѣшняя уравновѣшивается ли съ связью внутреннею, т. е. на столько ли и въ словесности, какъ въ нарѣчіи, сохранилось остатковъ отъ отдаленной старины, на столько ли и въ ней, какъ въ нарѣчіи, отпечатлѣлось вліяніе чужеземщины, это покамѣстъ остается неизвѣданнымъ. Вѣрно только то̀, что древнее достоинство выраженія — достоинство выбора оборотовъ и словъ, и уравновѣшеніе мысли съ ея фор-

ной — въ прозаической фразѣ и въ стихѣ уже тускнетъ, что оно уже не признается необходимостью и тѣми разскащиками старинныхъ эпическихъ преданій, которые собираютъ вокругъ себя гурьбу молодежи, въ полѣ и дома слушать свои *казки*, и этой молодежью, когда она тоже гурьбою или поодиночкѣ, въ полѣ и дома напѣваетъ свои пѣсни, и отчасти всѣми, когда обрядъ или частный случай вызываетъ слово къ соучастію въ жизни народной — торжественнымъ ли привѣтомъ, или скорбнымъ причитаньемъ, или пѣснію, или присказкой, или пословицей и поговоркой. Слогъ прозы и поэзіи утратилъ уже кое-что изъ первообраза своего величія и простоты, фраза — свою законченность, стихъ — свою правильность мѣры и соотвѣтствіе съ мыслію и съ музыкой.

Предполагая, что это будетъ очевидно изъ отрывковъ, которые приведены послѣ, я не стану здѣсь представлять особенныхъ примѣровъ, а остановлюсь нѣсколько на обозрѣціи разныхъ родовъ народной словесности Русиновъ за-карпатскихъ.

1) *Преданія старины и сказки*, на сколько могу судить о нихъ по тѣмъ немногимъ, которыя удалось мнѣ слышать и читать, касаются *или* миѳическаго міра русалокъ, упырей, летавицъ и т. п., и его отношеній къ міру дѣйствительному, *или* войнъ съ Татарами и Турками, ихъ впаденій въ Русь, опустошеній и т. п., что все относится народомъ къ древности безвременной, *или* враждебныхъ отношеній къ Мадьярамъ и Волохамъ, и разныхъ дѣлишекъ Жидовъ и Цыганъ, подъ именемъ которыхъ Русины разумѣютъ и другихъ иностранцевъ, заходившихъ и заходящихъ къ нимъ поодиначкѣ для разныхъ промысловъ, *или* наконецъ дѣлъ гуцуловъ, подвиговъ ихъ отваги и хитрости, великодушія и жестокости, славолюбія и себялюбія. Изъ нихъ только разсказы о гуцулахъ, одушевляя разскащиковъ сочувствіемъ къ этимъ любимымъ героямъ старины народной, исполняются съ тѣмъ достоинствомъ, которое можетъ напомнить о древнихъ красотахъ народной эпопеи Русиновъ.

II. *Пѣсни* Русиновъ за-карпатскихъ, не отличаясь отъ другихъ южно-русскихъ пѣсенъ общимъ характеромъ изложенія и метромъ стиха, представляютъ, впрочемъ, нѣкоторыя любопытныя особенности.

Болѣе всѣхъ другихъ бросается въ глаза ихъ короткость. Тѣхъ большихъ пѣснопѣній, которыя еще можно слышать и въ Малороссіи отъ отживающихъ бандуристовъ и слѣпцовъ, и на Дону и Уралѣ — отъ стариковъ-казаковъ, и на Волгѣ — отъ бурлаковъ, и на Бѣломъ морѣ — отъ промышленниковъ, — тѣхъ пѣснопѣній, въ которыхъ древность полумиѳическая или старина, еще не забытая памятью народа, выражается полными картинами, у Русиновъ за-карпатскихъ уже нѣтъ, сколько знаю, совершенно. Напротивъ того, бо́льшая часть ихъ пѣсенъ народныхъ — не пѣсни, а пѣсенки, много много по два или по три куплета, или, какъ тамъ выражаются, *натяга*, или *устяга*, а самыя любимыя — по одному. Въ этомъ отношеніи Русиновъ за-карпатскихъ можно сравнить съ Мазурами, Краковяками. Только въ пѣсняхъ обрядныхъ Русинъ за-карпатскій остается при прежнемъ обычаѣ повторять музыкальный напѣвъ разъ по десяти, пятнадцати и болѣе. При такомъ пристрастіи народа къ пѣсенкамъ, эпическая поэзія, очевидно, должна была сдать свое мѣсто лирической, и за́мершій духъ ея тлѣетъ еще, какъ подъ пепломъ, въ отрывочныхъ возгласахъ о старинѣ, еще не совсѣмъ отжившей, и не угасъ еще совершенно только потому, что есть еще воспоминанія о прошломъ. Пѣвцы этихъ возгласовъ о старинѣ — горные пастухи. На полонинахъ Верховины и Краины еще слышны онѣ, какъ пѣсни любимыя, — но уже любимыя все менѣе. Жаль еще пастуху разставаться съ ними, но онъ уже чувствуетъ, что приходитъ пора, и погребаетъ ихъ. Вотъ пѣсня, въ которой описывается это погребеніе пѣсенъ старины:

Пишли вивцы въ полонину сами биленькыи,
А за ними вивчярики, сами старенькыи.
А чому вы, вивчярики, та не спивате,
А де свои спиваночки, та подивате?
Ой мы свои спиваночки подиваме,
Въ полонини, якъ въ чужини, поховаме.
Въ полонини, якъ напиви, посіеме, посіеме,
Черноу землоу, сухоу травку покрыеме, покрыеме.
Ой посіеме спиваночки довчими путями,
Ой будеме ихъ обливати гырькими слёзами.
А мутъ туды вивчярики з вивцями ходити,
Будутъ наши спиваночки квитками сходити.

Мутъ за нами вивчярики та овечки пасти,
Будутъ наши спиваночки за кресаню класти. (*)

Эта пѣсня о пѣсняхъ — одна изъ самыхъ большихъ, а тѣ эпическіе возгласы, о которыхъ было вспомянуто, всѣ менѣе или болѣе такой формы и величины, какъ слѣдующіе образцы ихъ, взятые на-удачу:

I.

За гурою высокою мисячокъ стемнився.
Ишовъ Дóбошя та зъ топирцемъ, нудно исхилився.
Ой Дóбошу, ой Дóбошу, чому ты схилився,
Ци не чуешъ пудъ Деренью, югашъ запузнився!
Иди Дóбошу, до югаша, най на тебе згляне,
Най на тебе вучми згляне, та доловъ полягне.

II.

На Брустини загремило, на ясины блисло:
Бодай тебе, татарчуку, по пудъ сердце стисло.

III.

Ай ке бымъ знавъ, ожь погыну,
Запаливъ бымъ всю Краину:
Най вутъ свого лучче згыне,
Чимъ вутъ злого татарина.

IV.

Якъ ся вернувъ, якъ ся вернувъ
Плинтва до господы,
Ажь Плинтвиха, до зла лиха,
Не зна вже породы;
А Плинтвята небожята,
Што те сухе листје:
Порозвіяло ихъ витромъ,
Позанесло въ пистје.
Ставъ же Плинтва по пудъ хатоу,
Коника пускае,
На дви полы, на чотыри,
Шабевку ламае....

(*) Нѣсколько иначе въ Časopisu Č. Mus. 1839. Стр. 48.

V.

Въ Мукачевскомъ замку
Знавъ јемъ Маріанку.
Я ю добре знавъ.
Кедь ю съ рукъ выпущу,
Геть отити мушу.
Потйшь тя Богъ съ неба,
Ожь прочь иду отъ теба,
До поля, на Турка,
Отъ Турка на Брандербурка.
Буду воевати
И кровъ проливати
За васъ, дйвчата.

Вотъ что̀ осталось на память отъ старины, на сожалѣніе о прежнихъ расподіяхъ.

Пѣсни лирическія удобнѣе могли скòваться въ тѣсныя рамки двустишія и четверостишія, не споря съ неохотой народной повторять много разъ одинъ и тотъ же напѣвъ, съ любовью мѣнять напѣвы одинъ на другой, какъ можно чаще. Безконечное множество пѣсенъ — безконечное множество напѣвовъ, раздолье для развитія музыкальнаго чувства народа; и это чувство въ самомъ дѣлѣ нигдѣ не развито въ такой степени между южно-русскимъ народомъ, какъ тамъ, въ горахъ Бескидскихъ, гдѣ его лелѣетъ эхо утесовъ и лѣсовъ, гдѣ ни одно счастивое созвучіе не замретъ неуслышанное, хотя бы и не было желанія заставить его слушать, гдѣ поэту съ голосомъ легче сдѣлаться простымъ пѣвцомъ, чѣмъ пѣвцу безъ голоса—поэтомъ. А вѣдь тѣ рапсодіи, эпопеи въ 500 и болѣе стиховъ, которыя напѣваютъ и у насъ, на Руси, какъ и въ Сербіи, въ Шотландіи, какъ и на берегахъ Гвадалквивира, одинаково наскучаютъ однообразіемъ своихъ напѣвовъ. Чтобы дать хоть какое нибудь понятіе о лирическихъ пѣсняхъ русскихъ горянъ, привожу нѣсколько співанокъ:

I.

Ой кобы мъ я така красна, якъ та зоря ясна,
Свитила бы мъ на все поле, николи не згасла.
— Ой кобы сь ты была красна, якъ ясна зоренька,
Не свитила бы сь, якъ сонце, у мое серденько.

II.

Ой дуду, дуду, дуду!
И я иду до дому.
Каждый идъ своёму,
Лемъ я не маю дъ кому.

III.

Ей лаютъ ме, лаютъ, ежь я ходзу за ню:
Болитъ мое сердце, кедь попатру на ню.

IV.

Шла дивчино лясомъ, ваплакала гласомъ:
Плачу часомъ зъ лясомъ, сама въ собовь часомъ.

V.

Ей жала я жала, урizала я ся,
Уризала сердце за мого Иванся.

VI.

Бодай тебе, муй миленькый, стулько разъ кололо,
Кулько разы твое личко было коло мого.

VII.

Мои овци яловы,
Даюць млика, якъ воды.
Ей хто жь ми ихъ подоиць,
Кедзь я мушу отсадзь прийць,
Кедзь ми серденько болиць:
Пуйду я ся утопиць.

Очень естественно, что такія коротенькія пѣсни, тѣша горное эхо разнообразіемъ напѣвовъ, легко дѣлаются и принадлежностью плясокъ. Поются онѣ, какъ шалалайки, коломейки, вертляпки, какъ плясовыя, каждымъ плясуномъ отдѣльно, такъ что тотъ и плясунъ лучше, который умѣетъ придумать болѣе хорошенькихъ пѣсенъ, — хорошенькихъ болѣе по напѣву, чѣмъ по содержанію.

Только пѣсни обрядныя отличаются характеромъ содержанія; въ нихъ болѣе старины, болѣе фантазіи образовъ и выраженій. Впрочемъ, бóльшая часть тѣхъ изъ нихъ, которыя мнѣ удалось узнать, знакомы мнѣ и изъ другихъ мѣстъ. Объ

обрядныхъ пѣсняхъ горянъ можно замѣтить, что въ числѣ ихъ включены и тѣ, которыя въ другихъ мѣстахъ не составляютъ принадлежности обряда. Поэтому въ числѣ колядокъ поется и слѣдующая пѣсня :

Въ недилю рано мати сына лала ,
Мати сына лала, та проклинала.
Мати сына лала , зъ дому выганяла ,
«Иди, сыну, зъ домова, абы мъ тя незнала.»
Казавъ братъ старіій сестри хлиба напечи,
А середушшій коня вывести,
А наймолодшіій коня осидлати.
Найстарья сестра хлиба напекла,
А середушша коня вывела,
А наймолодша коня осидлала ,
Коня осидлала, таі ся звидовала :
Колижь, братцю, въ насъ гостейкомъ будешь
Возьми, сестрице, билыіі каминецъ,
Билыіі каминецъ, легкое перо,
И пусти ты ихъ увъ тихыіі Дунаіі ;
Кедь билыіі каминецъ на верхà сплыне,
А легке перо на спидъ упаде,
Втоды въ васъ , сестрици , братъ вамъ буде.
Коли сонеійко на заиакъ зоійде,
А мисяцъ ясныіі знеба спаде,
Втоды въ васъ, сестрици, братъ вамъ буде.
Навернувъ конемъ отъ схода соньце
И поихавъ си у темныіі лисочокъ.
Выихавъ овинъ у чистое поле.
Ставъ му коничокъ билымъ каминьцемъ,
Винъ молодейкыіі зеленымъ яворомъ.
Оіі стала мати за сыномъ плакати,
И пишла она јого выглядати.
Выіішла она си въ чистеіке поле,
Въ чистеійке поле, въ болоничеійко.
Таіі ставъ јеи дождикъ кропити
Стала она си на билыіі каминь,
На билыіі каминь, пидъ зеленъ явирь,
Еіі стали јеи мушки кусати,
А стала она галузки ломати.
Прорикъ яворецъ до неи словце :
Эіі мати, моя мати, мене сь проклялá.

Не дала есь ми въ сели кмечати,
Нищи ми не дашь въ поли стояти.
Билый каминецъ мій сивый коничокъ,
Зелене листья мое одинья,
Дрибни прутики мои пальчики.
А мати јего ся розжаловала,
Тай на порохъ ся розсіяла.

Подобныхъ пѣсенъ между колядками, щедровками, ганлками, купальницами, веснянками и яснянками очень много. Невольно подумаешь, что не безъ важной же причины поэзія народная, отдѣлившись отъ жизни, скрылась въ обрядъ и бережется тамъ, какъ бережется древность въ музеѣ — цѣлая, но не живая, не пробуждающая ничего кромѣ воспоминаній.

Почти то же можно сказать не только о причитаньяхъ надъ мертвыми, но и о пѣсняхъ заздравныхъ.

III. *Пословицы* у за-карпатскихъ Русиновъ большею частію тѣ же, что и у другихъ Русскихъ; есть много и обще-славянскихъ и обще-европейскихъ. Къ этому роду отнесены могутъ быть и слѣдующія:

Душа спати не ходитъ.
Кто до тебе зъ каменемъ, ты до его съ колачемъ.
Звоны ся хвалятъ по голосу, люди по бесѣдѣ.
За доброу хвилёу злу ждай.
Якій панъ, такый му крамъ.
Спомози сироти, укопле ти очи.
Убогого и галузя тягне.
Приберп пня, дай му имя, буде человикъ.
Лѣнивый двичи ходитъ, скупый двичи платитъ.
Біда человика найде, хоть и солнце зайде, и пр.

Въ числѣ этихъ пословицъ есть и — До Бога далёко, до Царя — высоко.

Пословицъ мѣстныхъ, сколько могу судить, немного, — по крайней мѣрѣ такихъ, которыя успѣли стать въ общемъ ходу. Вотъ нѣсколько ихъ, заслуживающихъ вниманіе, какъ свидѣтельства взгляда Русиновъ на ихъ сосѣдей, вольныхъ и невольныхъ, и на самихъ себя:

Жидъ и молячи учитъ ся обманути.

Жидъ та ще жидъ, та жидєня, та Волосьске щеня, — такъ и ярмарокъ.

Душа та жидъ спати не ходятъ.

Волохъ у два роты: једнымъ исть, другимъ бреше.

Волоху дай: най, а випъ скаже: ипци.

Бида зъ бидоу ходитъ, а Мадьяръ самъ по соби.

Прочто Цыганъ клещи держитъ.

У Цыгана три души: једна у руци, друга у нози, третья по передъ јёго бижитъ.

Цыганъ розмипюс правду на брехню, та зъ того и самъ сытъ и дитей кормитъ.

О себѣ самомъ и своихъ Русинъ говоритъ:

Зъ горы далеко, на гору высоко; лучче пиякъ.

Жинка плаче, дити плачуть, самъ плачешь, а луччого не́ глядаешь.

У мене симья, то једна; а у жинки симья, то друга; а у дитокъ, то третья; а вси три въ једній комирци једноу лыжкоу идятъ.

Гуцульскый джепъякъ сито: прійду много, выйду нитъ, и пр.

IV. *Бахурки*, маленькіе анекдоты, составляютъ четвертый отдѣлъ произведеній народной словесности Русиновъ закарпатскихъ, богатый, но менѣе всѣхъ другихъ доступный для иноземцевъ и вообще для всѣхъ, кого Русинъ не считаетъ своимъ. Привожу одинъ, можетъ быть, болѣе другихъ понятный:

Пытаје ся Словакъ Руснака: — чи ты не знаходивъ кобелю, въ ктерей боло полскаката, у калундюхи забарюха, плескатъ извязаными трѣскатомъ? — А Руснакъ: — я, брате, найшовъ једну тапстру, бывъ во пей печеный заяцъ, у кулаті зорівка, богачь извязаними батугомъ. — Такъ Словакъ и кажетъ: — то не наша. — А Руснакъ же ся вклонивъ, та й бывъ зъ отімъ.

§ IV.

ПИСЬМЕННОСТЬ.

О письменности Угорской Руси можно сказать слишкомъ мало, и лучшее изъ этого малаго — надежда на будущее. Успѣхи письменности возможны только при успѣхахъ просвѣщенія, и притомъ просвѣщенія народнаго; а здѣсь для него

не было и нѣтъ почти никакихъ вспомогательныхъ средствъ, ни даже, можетъ быть, желанія найти ихъ. Все ограничивалось самымъ необходимымъ; даже и это необходимое сжималось сколько возможно болѣе. Одна изъ первыхъ школъ заведена была здѣсь въ монастырѣ Мукачевскомъ, въ XIV вѣкѣ, и имѣла въ виду приготовленіе священниковъ, но, безъ сомнѣнія, была не лучше школъ своего времени въ другихъ мѣстахъ Руси, требуя отъ учениковъ всего болѣе умѣнья читать и писать. Дѣятельность письменная не могла не ограничиваться перепиcью книгъ: кое-гдѣ и осталось еще нѣсколько рукописей. Въ томъ числѣ во Львовѣ хранится жизнеописаніе св. Кирилла, писанное, судя по признакамъ нарѣчія, Русиномъ за-карпатскимъ.

Въ-слѣдъ за утвержденіемъ уніи заведены были школы въ главныхъ городахъ, съ бо́льшими претензіями на освѣщеніе народа свѣтомъ науки; но въ этихъ школахъ лучи просвѣщенія пропускались въ головы любознательныхъ Русиновъ сквозь языкъ латинскій. Къ нему старались ихъ пріучать, заставляли на немъ говорить и писать, находя въ этомъ средство сблизить новыхъ уніатовъ съ церковью римской; а на языкѣ, понятномъ для народа, издавали только катехизисъ въ 1692, 1707 и 1717 (въ Тернавѣ). Тотъ же языкъ латинскій господствовалъ и въ администраціи и во всемъ высшемъ кругу: тѣмъ болѣе ревности могло быть у Русиновъ изучать его, не думая о своемъ, народномъ. Такъ было въ XVII—XVIII вѣкѣ; такъ остается и теперь, съ тою только разницей, что латинскій языкъ остался въ училищахъ и между духовенствомъ, а въ обществѣ мѣсто его заступили языки мадьярскій и нѣмецкій, и что прежде въ обществѣ можно еще было отговариваться по-русски незнаніемъ латинскаго, теперь же не знать по-мадьярски и по-нѣмецки человѣку, не считающему себя мужикомъ, стыдно и постыдно. Любовь къ языку народному поддерживается одною церковью, гдѣ служеніе совершается на славянскомъ, а поученія говорятся на славяно-русинскомъ. Безъ сомнѣнія, не безъ вліянія остается и духъ времени; сочувствіе къ народности проникаетъ и сюда. Оно есть и въ богословіи, и въ лицеѣ Унгварскомъ, и въ семинаріяхъ Пряшовской, Сатмарской, Пештянской и Вѣнской; оно есть и въ мѣстномъ ду-

ховенствѣ и въ послѣднее время развивалось у Русиновъ наровнѣ съ Мадьярами, Словаками и Волохами.

Изъ числа любителей народности, ревнителей народной образованности и народнаго языка стараго времени памятны: епископъ Бачинскій, Алексѣй Ильковичъ, Іоаннъ Пастель, епископъ Григорій Тарковичъ, Михаилъ Табаковичъ, Іоаннъ Кутка, епископъ Алексѣй Почи, профессоръ М. Черскій (*). Первые четыре оставили по себѣ добрую память за краснорѣчивыя проповѣди; послѣдніе два — за свои старанія ввести преподаваніе педагогіи на языкѣ народномъ, славяно-русинскомъ. Епископъ Почи исходатайствовалъ въ 1821 году позволеніе открыть эту каѳедру педагогіи, а Черскій, прежде уже прославившійся краснорѣчіемъ проповѣдника, былъ первымъ исполнителемъ этой счастливой мысли. І. Кутка заслужилъ благодарность за изданіе катехизиса (1801—1815). Между проповѣдниками послѣдняго времени наиболѣе отличились: Стефанъ Андруховичъ, Іоаннъ Чурговичъ и Михаилъ Лучкай.

Проповѣди послѣдняго изъ нихъ изданы подъ заглавіемъ: Церковныя бесѣды на всѣ недѣли рока на поученіе народное. В'Буднѣ, 1831, 2 тома.

Всѣ эти проповѣдники старались быть полезными народу, но не чувствовали, однако, возможности поучать его на чистомъ родномъ его языкѣ, а мѣшали его съ славянскимъ, церковнымъ и нашимъ литературнымъ. Причина этого высказана М. Лучкаемъ въ предисловіи къ его Бесѣдамъ.

Глядалъ ѐсмь матѐріи избра́нны и поле́зны, и усиловалъ ѐсмь ся предложи́ти разумѣтельно. Язы́к со всѣм про́стый прото́ не употреблях, ибо на высо́кія поятія вѣры и мора́лы недостато́чный ѐсть; нѣсть бо возмо́жно про́стому человѣку поятія и сло́ва имѣти то́кмо нау́кою и чита́ніем пріобрѣта́емая, приро́дныя же поятія филосо́фи недопуща́ют. Стил же библическій не легко поразумѣвается. Сре́дним путе́м безопаснѣйше ити мнѣ видѣлося. Что по ру́ски изря́дно выража́ется, а что из библическаго ле́гко разумѣется употребля́ти смы́галъ ѐсмь ся. Са́м бо народ руский со всѣм про́стый язы́къ въ церкви не любитъ, но тѣшится сре́дним.

Что́ это за средній языкъ, котораго думалъ держаться

(*) *M. Lusskay*. Gram. Ruth. Bud. 1831, стр. IX—XI.

проповѣдникъ, можно видѣть изъ самыхъ небольшихъ отрывковъ. Вотъ нѣсколько мѣстъ, на-удачу взятыхъ:

«Людіе не ради язы́къ свой за зубами держáти; но свободно его пущáютъ и бесѣдуютъ непрестáнно, а много рáзъ и тото́ бесѣдуютъ, что сердце́ ихъ неправдою признавáетъ. Аще сицéвая бесѣда съ намѣрéніемъ другаго прелести́ти творится, лжéю называется. Нѣкотóріи кáжутъ, что лжá есть инáко бесѣдовáти, инако мы́слити, или непрáвду предлагати за прáвду. Но много рáзъ человѣкъ инáко бесѣдуетъ, якъ мы́слитъ; на при́кладъ жартýетъ, или кáзку кáжетъ, нщи́ прóто не есть лживый; или непрáвду бесѣдуетъ, на приклáдъ: что не дóбрѣ чýлъ, и читáлъ или наýчился, сіе ни едúное не есть лжа. А много рáзъ самý прáвду бесѣдующе лжи́тъ: егда думаетъ, что то непрáвда, нщи́ бесѣдуетъ, чтобы си́мъ спóсобомъ обманýлъ другихъ или кто дóбрѣ знаетъ, что емý не бýдется вѣрити, но проти́вное за прáвду держáти, нщи́ онъ правду бесѣдуетъ, чтобы другій противное пріявше прелести́лся.»

«Единъ предъ другимъ сокрóвище избирáетъ, другаго уклáмати добы́ткомъ держи́тъ, тóкмо чтобы́ свое́ умнóжити имѣніе, тѣлу угождáти, различными одéждами украшéвати, бóлше измыгается нежели́ дýшу добродѣтельми украси́ти. Нечаянно прихóдитъ смéрть, и всемý конецъ. Тѣло которое чи́стилося, кохáлося, крáснѣ одѣвáлося — помрéтъ, засты́нетъ, схнíетъ, жáбамъ, червáкомъ и гáдомъ служи́тъ во снѣдéніе; а дýша небóга про сіе погни́лое тѣло навѣки мучи́тися долженствуетъ.»

Искуственность этого языка, хотя и привычная для духовенства русинскаго, какъ и прежде, такъ и теперь не могла и не можетъ не вводить малоопытныхъ проповѣдниковъ въ чащу затрудненій. Неприличіе выраженій такъ возможно и легко, и вмѣстѣ такъ непростительно и неумѣстно, что надъ подборомъ оборотовъ, формъ и выраженій годныхъ проповѣдникъ, не окрѣпшій въ искусствѣ управлять имъ, проводить долженъ времени гораздо больше, чѣмъ надъ приведеніемъ въ порядокъ мыслей и знаній. Желая помочь имъ, почтенный Лучкай предпринялъ составить грамматику и словарь. Грамматика уже издана двадцать тому лѣтъ назадъ: Grammatica slavo-ruthena, seu vetero-slavicae et actu in montibus carpaticis parvo-russicae, seu dialecti vigentis linguae. Budae. 1830. Грамматика вмѣстѣ и

славянская и русская, гдѣ оба нарѣчія смѣшаны въ той мѣрѣ, какъ это кажется удобнымъ для ученыхъ Русиновъ.

Словарь Lexicon Latino-Ruthenum состоитъ изъ перевода латинскихъ словъ языка библейскаго и церковнаго тѣми словами народными русинскими, которыя могутъ быть годны для слога поученій, а пробѣлы дополнены изъ языка старославянскаго и русскаго литературнаго. Онъ еще не изданъ, и тѣмъ не менѣе становится все бо́льшею необходимостью, по мѣрѣ того, какъ молодые члены духовенства русинскаго отстаютъ понемногу отъ языка народнаго, въ-слѣдствіе вліянія ученія и многоязычнаго образованія, и, чувствуя это, стараются поддержать въ себѣ наукой ими утраченное умѣнье владѣть языкомъ родины.

Были попытки писать и языкомъ болѣе народнымъ даже для народа. Нѣсколько книжекъ въ этомъ родѣ украдкою вышло въ свѣтъ и стоятъ бо́льшаго вниманія, чѣмъ можно было ожидать. Въ числѣ другихъ болѣе любопытенъ сборникъ басенъ и анекдотовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были потомъ напечатаны М. Лучкаемъ. Вотъ для образца языка одинъ разсказецъ о человѣкѣ дикомъ и образованномъ (правописаніемъ подлинника):

«Сѣльскій человѣк мав познаемность из диким, и призвав го на гостину. Пришел гость, привитатся краснѣ, и посадится за стол. Поневач студено было, селянин руки ид роту приложив, и дыхавъ на нѣ; дикій извѣдуеся: прочто тото робиш? — Зимно бо ми, та паров розгрѣвую. Потом зачерпнув лошков, и снову придувовал; дикій зась свѣдуеся, начто тото робиш? — Бо горяча поливка, то застужую — отвѣтуе селянин. Тогды дикій каже: кедь из твоего рота и тепло и студено иде, не хочу я твое побратимство, — будь здоровъ.»

Вліяніе ученья и общества было бы еще сильнѣе въ этомъ отношеніи, если бы не новое направленіе литературы во всей Европѣ, проникшее и въ этотъ темный уголъ, — направленіе, заставляющее дорожить, можетъ быть иногда и черезъ мѣру, всѣмъ народнымъ. Позже, чѣмъ куда либо, проникло оно въ полонины Бескида, и потому менѣе привилось, менѣе оживило собою образующуюся часть народа русинскаго, но уже привилось и начинаетъ оживлять молодое поколѣніе. Отъ молодаго поколѣнія, отъ этихъ новыхъ людей, можно ждать

трудовъ литературныхъ, которые дадутъ новое значеніе восточному погорью Карпатовъ въ географіи языка и словесности русской. Теперь все еще въ зачаткахъ; многое написано, но за неимѣніемъ средствъ ничто почти не напечатано. Могу сообщить здѣсь только о трудахъ мнѣ извѣстныхъ:

Священникъ *А. Довговичъ* посвятилъ свою дѣятельность на собираніе народныхъ пѣсенъ, пословицъ, выраженій, рисующихъ бытъ и мысль народа.

Священникъ *П. Поповичъ* трудился надъ обработкою поэтическаго языка и написалъ нѣсколько прекрасныхъ элегій, подъ названіемъ «Смутки», и довольно большую поэму «Текелій».

Молодой клерикъ *Герасимъ Свитъ*, юноша съ высокимъ дарованіемъ, выказалъ, какъ слышно, необыкновенное краснорѣчіе въ поученіяхъ, написанныхъ на языкѣ чисто народномъ, доказавъ въ нихъ, что не отъ языка, которымъ говоритъ народъ, а отъ умѣнья владѣть имъ зависитъ сохраненіе достоинства мысли, имъ выражаемой.

И. Срезневскій,

Д. Ч. Общ.